
Анна ГЕДЫМИН

МАМА В СВОЕМ РЕПЕРТУАРЕ

Рассказ

Господи! Неужели хотя бы сын? Этот ябедник, маменькин сынок, застенчивый троечник... Впрочем, что он знает о собственном сыне? Откровенно говоря, он вообще до сих пор не особенно ощущал себя отцом — ни когда тот был пухлым веселым карапузом, ни когда превратился в неприятного прыщавого подростка, ни когда вдруг заявился просить денег — возмужавший и в точности скопировавший ее нарядные краски: каштановые волосы, каштановые глаза, матово-белую кожу. В общем, не то чтобы проглядел — и не глядел вовсе. А парень — вот, пожалуйста, рос-рос — и смог, вырвался! И он в который раз перечитал выученную наизусть эсэмэску: «мама в своем репертуаре. приеду один. алексей».

Он влюбился в нее мгновенно, при первой встрече. И вся его жизнь, жалобно взвизгнув тормозами, сразу изменила направление. Прежняя семья, прежние друзья, прежняя судьба растворились в дымке на горизонте. Боялся ли он? Конечно, боялся. Ей двадцать восемь, ему — на пятнадцать больше. Она как-то особенно, изысканно, завораживающе красива. Но главное даже не в этом. Она дважды была замужем, и ни разу брак не продлился более полугода. И еще: она считает себя композитором. Последнее обстоятельство казалось до того комичным, что он, дурак, совершенно не придавал ему значения. Увы, человек удивительно туп и инертен. Туп! И инертен! Способность делать хоть какие-то выводы из очевидных фактов, без сомнения, может быть приравнена к гениальности. А он — да, теперь уже можно без боли признаться себе — он оказался не гением. Впрочем (сразу вмешивались успокаивающие голоса), можно ли проявить гениальность, если ты — политический обозреватель всем известного, уважаемого, подчеркнута скучного еженедельника? Тут нужны другие качества: дипломатичность, точность формулировок, связи. У него все это было. Он писал свои обзоры в тысячу раз лучше, чем это делал бы любой другой журналист. В редакции на него молились. Читатели считали умным и острым на язык. А тут — эта никому не ведомая композиторша.

Он не привык отступать от однажды намеченной цели. Пригласил ее в модный ресторан, потом напросился в гости и тут же постарался завладеть всем сразу: и сердцем, и телом, и местом в доме. Она, к счастью, не сопротивлялась. Уже через месяц он собрал чемодан и переехал в ее неухоженную квартирку. Единственной ценной

Анна Гедымин — поэт, прозаик. Окончила МГУ, факультет журналистики. Стихи публиковались в журналах «Новый мир», «Дружба народов», «Арион», «Континент», «Юность» и др. Автор восьми поэтических и двух прозаических книг. Лауреат ряда литературных премий, в том числе Международной Волошинской премии в номинации «За сохранение традиций русской поэзии», премии имени Анны Ахматовой журнала «Юность», премий «Литературной газеты», журналов «Литературная учеба», «Дети Ра», «Зинзивер».

вещью здесь было какое-то особенное пианино. А сама она смотрела на него восхищенными блестящими глазами и, кажется, не могла поверить в собственное счастье. Словом, поначалу все это даже разочаровывало как слишком легкая добыча. И он, дурак, расслабился.

Меж тем композиторство неприятно вылезло на первый план. Сначала договорились, что она будет музицировать, когда он на работе. Но потом — пошло-поехало. То ее озаряло среди ночи, то необходимо было записать тему, которую будут аранжировать прямо завтра, так что уж потерпи, надо успеть... Он начал ревновать ко всей этой дури, устраивать сцены из-за вертлявых музыкальных мальчиков — ноль внимания («Успокойся, они же педики!»). А потом у него возникла совершенно честная, неподдельная аллергия на ее музыку! Он начинал до слез зевать и тут же оглушительно чихать. А если музыка не смолкала, надвигалась тошнота. И он опрометью выскакивал из дому. Уезжал на сутки, на двое — бесполезно. Не помогали даже угрозы — она упрямо продолжала.

Оставалась единственная надежда — материнство. Даже приятели уверяли: родит — вся эта дребедень забудется. Тогда он потребовал ребенка, хотя уже имел двух дочерей от предыдущих браков и, если честно, не испытывал к ним ни малейшей привязанности. Вообще что касается чувств, то он питал их только к ней. Кажется, впервые. Или — впервые с такой остротой. Его все в ней восхищало. И все настораживало. Понимает ли она, ЧТО он ради нее сделал? Какую чудесную семью, какой обустроенный быт бросил? И способна ли оценить, насколько он привлекательнее, интереснее, умнее этих ничтожеств — ее музыкальных «коллег»?

Она была способна. Она искренне пугалась его уходов и неподдельно страдала от его сцен. Но музицировать не переставала.

Кажется, на третий день после возвращения из роддома она заявила, что ее впервые пригласили на телевидение и она никак не может отказать. «Я туда и обратно, на такси! А ты только покорми Алешу из бутылочки!» Он воспринял это как предательство. «Ребенку неделя, а ты хочешь его бросить!» — «Но ведь с тобой, ты же отец!» Он хлопнул дверью и на неделю уехал к другу-алкашу. А когда вернулся, выяснилось, что у нее пропало молоко и что она залила соседей, оставив детские вещи полоскаться в ванне. Но зато и на телевидении не выступала. Он заставил ее извиняться, каяться в невнимании к нему и сыну. И тут впервые, с неожиданным удовлетворением, заметил в ее каштановой шевелюре седую прядь.

Он почему-то, дурак, подумал, что одержал победу. Не тут-то было! Через неделю, сидя в редакции, увидел ее на экране телевизора, в прямом эфире. Кинулся к телефону — с Алексеем сидела соседка.

Он трижды в жизни сталкивался с настоящей стихией. Первый раз — когда на милом черноморском побережье, в крошечном побеленном домике, уже засыпая, вдруг ощутил резкие и неумолимые толчки землетрясения. Длились они какие-то мгновения, но этого оказалось достаточно, чтобы навсегда понять: смерть — это вот такой медленно нарастающий рокот. И первобытная бездна неподвижной ночи. И собственное разрывающееся от ужаса сердце. Много лет спустя, проваливаясь в кромешный сон наркоза, он все это вспомнил. Точнее — нет, не он сам, а какое-то пульсирующее ядрышко в его измученном болью организме. Вспомнило — и рванулось из последних сил. И вцепилось в ускользающий, холодный, стерильный свет. И выкарабкалось из тьмы. И он следом — дрожащий от слабости, с мокрыми от пота волосами, нелепо улыбающийся синими губами.

В третий раз стихия явилась в ее облике. С ней бесполезно было сражаться — она сметала все преграды на своем пути. Только раньше это был путь к нему, а теперь — от него.

Они, конечно, расстались. Еще несколько лет ему удавалось, неожиданно появившись из-за поворота, выжать из этих глаз несколько бледных слезинок. Но с каждой встречей она становилась все более деловитой и торопливой. За ее спиной почти физически ощущался объем новой жизни: какие-то чужие люди, события. Ее композиторская карьера стремительно развивалась, о ней начали высказываться известные музыковеды, всерьез называли талантливым мелодистом. А сами мелодии лились теперь едва ли не из каждого утюга. И тогда он понял: пора исчезнуть. Что и сделал — без боли, а скорее, сладко, с удовольствием. Все еще надеясь, что хоть немного ее этим огорчит.

Тем временем его собственная карьера неожиданно рухнула. Респектабельный еженедельник влился в крупный издательский концерн. Новый молодой редактор привел свою команду, в которой он не увидел для себя достойного места — и, несмотря на вялые уговоры, подал заявление об уходе.

Податься ему было решительно некуда. Никаких идей и никаких сил бороться за новое заметное место тоже не было. Да и стимулы отсутствовали — средства на безбедное существование имелись. Оставалось решить главную задачу: как жить дальше? Для чего? И с чего начать?

Именно в этот момент в глаза бросился кричащий ядовито-желтый баннер: «Хочешь почувствовать себя свободным? Купи велосипед!» И он, дурак, купил.

Спустя четыре месяца он сидел посреди своей огромной квартиры, заваленной пустыми бутылками и прочим хламом, включая чертов велосипед, все еще новенький и блестящий. Это, пожалуй, были самые жуткие месяцы его жизни, слившиеся в единый кошмар. Какие-то малознакомые люди, кабаки, нескончаемые бабы. А в промежутках — панические попытки начать нормальную жизнь: шоссе, велосипед, мелькающие по обочинам деревья, боль в мышцах...

И тут на большом экране постоянно включенного телевизора, словно в назидание, появилась она. Он придиричиво и с досадой вгляделся в ее лицо. Нет, она, конечно, постарела. Но как-то гармонично, миловидно. И явно недостаточно.

Он замычал, как от боли, и понял: нет, больше в одном городе, в одной стране с ней и этой ее музыкой ему оставаться нельзя.

Так он оказался в тихом приморском городке, в уютном доме, окруженном фруктовым садом. По утрам его будило пение птиц. Долгими вечерами он любил смотреть на огонь в камине и читать толстые книги, привезенные из Москвы. Единственным живым существом, разделяющим его досуг, был хомяк, подаренный маленькой дочкой соседей.

А еще он старался вести здоровый образ жизни. И в последнее время увлекся распространявшимися в сети психологическими тренингами.

Вот и сейчас, вернувшись с прогулки к морю, он выпил стакан сока и, почувствовав внезапный прилив сил, сделал десять приседаний. Обомлевший хомяк следил за этим из своей клетки, приподнявшись на задние лапки и молитвенно сложив передние. Насыпав хомяку в кормушку зерна, он вышел на террасу и опустил в кресло. На душе было пустынно и хорошо. Ну вот, а теперь остается ответить на последний, главный вопрос: что обычно происходит с такими, как ты?

И вот тогда — словно в ответ на все его вопросы — судьба послала пандемию...

Сразу все изменилось. Весь мир и даже его маленький городок настроенно затихли. И тут же со всех сторон посыпались новости, одна пронзительней другой. Тысячи зараженных, сотни погибших, масочный режим, карантин, неизвестность...

Лично в его жизни практически ничего не изменилось, только в Интернет, в новостные ленты, он стал заглядывать чаще.

А однажды на его электронную почту пришло письмо от сына. Алексей сообщал, что они с матерью приехали в соседний город отдохнуть — и теперь из-за карантина не могут вернуться в Россию. Но это ничего, у них все в порядке, они ни в чем не нуждаются и здоровы. Но ведь можно было бы повидаться!

Он не смог ответить сразу. Слишком гулко забилося сердце, и зазвенело в ушах. Чтобы успокоиться, он обошел весь дом — от кабинета и гостиной на первом этаже до спальни и гостевой комнаты на втором. Потом спустился в сад, придирчиво осмотрел и его. Все выглядело вполне респектабельно и даже романтично. Достойное пристанище еще не старого господина, живущего в свое удовольствие. Ей должно понравиться. Она наверняка поймет, как у него здесь хорошо. И даже, может быть, захочет остаться. Может быть, она для того и приехала. Даже до конца не отдавая себе в этом отчет...

Он ответил сдержанно, но приветливо: мол, будет рад видеть, ждет. А потом не спал ночь, то предвкушая их приезд, то пугаясь. А что если эта музыка, вся ее новая жизнь разрушит его тихий и привычный мир? Вдруг она посмеется над его жалким одиночеством? Опять предаст, унизит?

А дальше началась череда недоразумений: сын то называл дату их визита, то в последний момент отменял. Потом оказалось, что им сначала нужно куда-то еще. А тут вдруг забрезжила возможность их экстренного возвращения в Россию.

И тогда он понял, что она тоже колеблется и боится их встречи. И еще больше запаниковал: а вдруг она не приедет? Вдруг не пустит Алексея — чтобы тот не встал на его сторону? Опасается, что сын привяжется к отцу?

И вот — эта эсэмэска от Алексея: «мама в своем репертуаре». Такая доверительная, ироничная эсэмэска. Молодец какой сын! Она не пускала — а парень настоял! Значит, еще не все потеряно. Пусть сначала Алексей. Ему здесь понравится! А потом и она НЕИЗБЕЖНО появится. И ПОЙМЕТ, ЧТО ЕМУ И БЕЗ НЕЕ ХОРОШО. И ЗАХОЧЕТ ОСТАТЬСЯ...

Алексей появился именно так, как он и ожидал: легкий, улыбчивый, очень взрослый. Приобнял отца, похвалил сад, изумился хомяку. Удобно устроился в кресле на веранде, охотно выпил вина. Разговор полился естественно и доверительно, будто никогда не прерывался. И вот уже заходящее солнце ярко осветило кроны деревьев, и гравий дорожки, и далекое море...

И тогда наконец он выбрал момент и, дрожа от нетерпения, и брезгуя, и стесняясь, и сам себе напоминая соседку-сплетницу из детских кошмаров, небрежно спросил:

— Ну, что там мама?

А сын, такой красивый и впервые в жизни близкий, совершенно свой, оживленно ответил:

— Мама в своем репертуаре. Опять подобрала какое-то ничтожество и теперь пытается сделать из него человека. Она же святая, ты знаешь...